

[00:05:04] [Начало записи]

Алексей Сурин: Уважаемые друзья, начинаем, потому что у нас время ограничено, а это означает, чтобы все смогли высказать самые главные вещи. Мы должны в них уложиться. Два слова о порядке. Я позволю представить себя и своего коллегу. Меня зовут Алексей Викторович Сурин. Мой сомодератор – Андрей Сергеевич Царенко, мы будем помогать, помимо того, что мы сами хотим что-то сказать, это уже второе, вести определенный порядок. Он заключается в том, что формально мы должны дать слово тем, кто является официально зарегистрированным. Второе, мы обязаны передать микрофон, потому что это все идет под запись. И третье, ограничение по времени, я разделил на количество, получилось семь-восемь минут максимум, это максимальное перекрытие сверху.

Я сам вел немало круглых столов, и они происходили в двух модусах. Первый модус – это когда каждый знает, что ему надо высказать то, что он написал, и поэтому он не очень внимательно слушает тех, кто говорит, потому что ему надо подготовиться к своей речи. Потом он выдает информацию как бы от себя, что самое главное, это первый способ. Второй – то, что выдается, будет опубликовано, можно вести беседу не жестко по тому выступлению, которое вы, а сказать в реакции на то, кто что сказал, какие мысли наиболее интересные и так далее. Естественно, я являюсь сторонником второго, но никак ограничить вас не могу.

Сама тема настолько очевидна и актуальна, что спорить с ней никто не будет. Это больше чем пугает меня, такая очевидность, потому что когда все понятно, возникает вопрос, а нельзя ли это оспорить. Мы очень часто идем туда, куда нам всем говорят. Нам говорят за Царя-батюшку, и мы идем. Потом выясняется, что Царь-батюшка никуда не годный и так далее, что не стоит продолжать. Мне с возрастом начинают приходить представления, где заложена мудрость русского народа и мне кажется, что она заложена в сказках.

Сказка, которой я хочу начать, не русская сказка, но не важно. Это «Красавица и чудовище», которая сейчас обсуждается. Человека попросили принести цветочек аленький, просьба нормальная. Человек воспринял немного с удивлением, зачем бы, ну ладно. А потом начались все неприятности. Если бы он знал, во что он ввяжется с этим аленьким цветочком, он бы никогда этого не сделал. Не только с ним, с его дочерью. Только чудо привело к тому, что все кончилось хорошо. У меня такое ощущение, что мы можем находиться в положении, когда он говорит: «Давайте цветочек аленький. Наукоёмкой технологией управляйте, и у нас все будет очень здорово». Я хочу сказать, что я сам верю, что все это нужно, хорошо, но если мы не будем думать, какие нас подстерегают трудности, сложности и тому подобные вещи, мы попадем в положение, которое немножко не соответствует сказке. Либо нас съест кто-то, либо убьет и так далее, либо ничего не выйдет.

Какие эти положения есть. Первое, говоря о науке и наукоёмких технологиях, надо понять такую вещь, как мне кажется, куда нам идти. По всем направлениям, которые только есть, как кричат: «Давайте!» Здесь наука, здесь наука, здесь наука, давайте везде технологии сделаем, и у нас будет. Совершенно понятно, что ресурсов на это хватить не может и без четкого понимания, что и в какой степени мы на себя берем ответственность, это бессмысленно делать, этого пока нет.

Второе, вообще говоря, все новации в науке имеют две стороны. Первая – то, что мы получаем продукт новый, который нужно приобрести и заплатить за него деньги. Или продукт надежный, которым можно пользоваться очень долго и при этом не покупать дальше ничего. Какой мы хотим смартфон – на десять лет, чтобы он работал, и ничего не было? Или же хотим каждый год, потому что везде будут обновленные функции. Это вопрос, на который мы должны ответить, потому что для общества второй тип новаций не слишком выгоден, он выгоден для компании, которая производит смартфоны, не более того.

(00:09:58)

Третье – опыт работы с научными проектами и инновационными технологиями в наукоёмких производствах. Это разные вещи: производить новации, изобретения. Второе – включать изобретения в производство. Третье – управлять этим производством. Четвертое – получать следствие и бороться с теми следствиями, которые мы можем получить в результате этого производства.

Это все разные вещи, мы умеем первое неплохо. У нас много изобретателей, начиная с Левши и многих других, но никуда не годится второе, потому что мы плохо себе умеем и не умеем вводить наши изобретения в саму структуру производства. Мы совершенно не умеем работать с наукоёмкими производствами, потому что их отличить от обычного производства очень легко. И четвертое, мы не сталкивались серьезно пока с последствиями внедрений наукоёмкой технологии, но уже кое-где это есть, поэтому без такого понимания сложно делать. Дальше, кому выгодно? Вообще говоря, о разных новациях, мы должны понимать, что есть разные субъекты, которые интересуются разными вещами. И прежде всего, в развитии наукоёмких технологий я вижу сейчас серьезную заинтересованность крупных компаний, которые имеют на этом свою прибыль. Но пока еще не очень хорошо понимаю, в чем выгода общества в этом, кроме того, что им говорят: «Всем будет хорошо и вам будет хорошо». На самом деле не произошло такого, что улучшение богатства какой-то страны само по себе повлекло улучшение бедных, расслоение. Тех проблем, которые нас волнуют.

Качество продукции. Когда мы говорим об инновационных технологиях, мы можем подумать, что они могут вести к улучшению качества, а можем к тому, что удешевляется продукция. Продукты мы выпускаем и ГМО туда запускаем. Чем плохо? Дешевле и все

здорово. И всякие гербициды, понятно, о чем идет речь. И не только в этом есть проблемы, есть проблемы во многих промышленных изделиях, которые для удешевления пользуются более дешевым продуктом, которые потом требуют обновления и они менее надежны. И это более менее везде. Даже когда планируется, никогда не планируется. У нас с космосом начали работу, решили запустить более дешевый материал, но результат кончился тем, что не произошел запуск. Хоть никто не погиб, слава тебе, Господи.

Последний вопрос, который хочу отметить, это вопрос, связанный с тем, что наукоемкие технологии хороши для сокращения живого труда. Это понятно, в голове, когда нам не хватает людей, эта идея совершенно явно встает. А если людей хватает? Если говорить, что у вас лишние люди, то куда они пойдут, что они будут делать? Тоже вопрос, который для меня, не имеет однозначного ответа.

Отсюда от всего, мне кажется, один из выводов, прежде всего, говорить о нашем движении пути наукоемких технологий и управления, надо определить для себя, по какому пути мы сами собираемся идти. Идем ли мы на возврат к союзу со всеми странами, с которыми раньше имели хорошие отношения, а потом они оказались разорванными. Хотим ли найти новых союзников в лице Китая, Индии, БРИКСа и так далее, у которых могут быть свои заморочки и все остальное. Или же мы выходим на автаркию, если нам никто не нужен, мы сами себя всем обеспечим. Мне кажется, без такого пути и без решения того, в какой степени социальные силы могут участвовать в этом решении вопроса... Социальные силы, относящиеся ко всему нашему обществу, а не только господствующая часть. Мне кажется, проблемы связанные с управлением наукоемких производств, будут иметь проблемы и риски. Я высказался. Андрей Сергеевич, будете помогать мне. Кто у нас следующие?

Андрей Царенко: Разрешите, дорогие коллеги, пару слов по поводу базовых рамок, базовых тем, которые, я думаю, нам сейчас стоит обсудить. Первое, как Алексей Викторович сказал, мы говорим о барьерах и рисках развития управления наукоёмким производством в России. Это потребует нам уточнить саму специфику. Мы, безусловно, понимаем, что современный менеджмент характеризуется безусловной апелляцией к ситуационному подходу. В этом связи мы увидим специфические структуры, специфические культуры. Мы можем посмотреть, у нас сейчас достаточно активно внедряются западные, мировые концепции повышения эффективности системы менеджмента. Это бережливые технологии, инжиниринг и управление знаниями, которые являются инструментом построения обучающихся, самообучающихся организаций. Мы понимаем, что главным, одним из основных препятствий на пути внедрения этих замечательных инструментов – это часто культура. Это иные ценности, стереотипы, прототипы. Очень легко придумать новый процесс производства. Расписать алгоритмы, выявить KPI процессов, но попробуем изменить практику поведения, отношения сотрудников, их веру в потребность, важность всех этих мероприятий и так далее.

(00:15:29)

Следующая тема, которая возникает – это экспертное обеспечение управления наукоёмким производством. Мы, безусловно, не можем говорить о том, что все нам легко удастся без определенной зрелости научной, научно-исследовательской инфраструктуры. Мы говорим о том, что у нас есть задача адаптации практик. В том числе, и под социально-культурной особенностью нашей системы менеджмента, нашего управленческого стиля. Насколько зрелый рынок консалтинговых услуг в сфере управления наукоёмкого производства?

Следующая тема, которую нам задает контекст – это роль государства. Она какая, системообразующая, структурообразующая? Какая поддержка может быть оказана? Эта поддержка будет финансовая, это поддержка будет экономическая, когда мы говорим налоговые льготы, поощрения. Давайте, доля инновационной продукции должна повышаться, вы получите какие-то поощрения. Или это в том числе организационная, методологическая поддержка. Мы сейчас наблюдаем практику внедрения в органы государственного управления и, в том числе, в компаниях с государственным участием, в государственных предприятиях, некоммерческих госкорпорациях внедрение проектного программного управления.

Мы говорим о том, что как раз инновационная активность требует от нас проектного подхода. Есть конкретный результат, инновация. Это может быть продукт, конкретный гаджет или о чем Алексей Викторович говорил. У нас часто недооценивается управленческая процессная инновация. Этому можно дать обоснование, потому что намного легче отчитаться и намного легче гордиться тем, что создано изобретение, какой-то медицинский прибор и так далее. Ни у кого не возникнет вопроса о нецелевом расходовании средств, по-крайней мере намного меньше. А если мы говорить о том, что создана новая система мотивации, создана новая система распределения.

Новая система мониторинга деловых процессов, основных, вспомогательных, попробуйте здесь, здесь намного сложнее. Как раз формализация, сертификация проектных практик очень важное направление, которое должно быть поддержан государством. Политическая воля, что сверху нам сказали, но при этом, чтобы успех у нас действительно был, его вероятность была высока и методическая поддержка с учетом наших бизнес-ассоциация, сообществ-практиков. С учетом зарубежного опыта. Вот эти направления, которым хотелось бы уделить внимание и надеюсь в рамках ваших выступлений вы эти вопросы, аспекты, проблемы затронете.

Завершая свою речь, я бы хотел попросить всех участников, чтобы к завершению нашего мероприятия они постарались зафиксировать по одному предложению для совершенствования нашей системы управления наукоёмким производством. Чтобы они посоветовали, что они считают нужным и приоритетным. Буквально одно предложение

тезисно. Спасибо. Алексей Викторович, сейчас мы предоставим слово, разрешите мне представить доктора экономических наук, профессора, заведующего кафедрой управленческих инноваций РЭУ имени Плеханова, также заведующего кафедрой менеджмента и сервиса РАНХиГС Дмитрия Николаевича Землякова. Дмитрий Николаевич, прошу вас.

(00:19:34)

Дмитрий Земляков: Спасибо за возможность высказаться на актуальную тему. Я все-таки хотел добавить, Алексей Викторович, к тому, что вы сказали. Вы очертили круг наших проблем, которые мы можем обсудить. И одна проблема важная, мне кажется, была упущена. Это проблема образования. Проблема подготовки кадров для наукоёмкого производства. Мы уже проговаривали вчера, и на пленарке эта проблема звучала в том плане, как мы должны готовить кадры для наукоёмкого производства. В частности, как наша высшая школа в этом плане должна реагировать на запросы времени.

Тут есть два подхода. Первый, самый проблемный, есть ли запрос на кадры из нашего реального сектора? Мы можем готовить великолепных специалистов, молодежь у нас по-прежнему умная и талантливая, но если у нас нет запроса из реального сектора, несмотря на великолепные полученные знания. И они будут пополнять резервную армию труда. Второй подход – мы должны сформировать некие технологические кластеры, которые с подачи наших высокотехнологичных предприятий делают запрос высшей школе под конкретные рабочие места. Такие кластеры уже есть.

У нас есть опыт ЗАТО – Закрытых административных территориальных образований. Закрытых городов, или наукоградов, их несколько в стране, которые готовят кадры для высокотехнологичных отраслей уже конкретно под создаваемые ими рабочие места. В частности, есть опыт наукограда Дубнинского, есть хороший наукоград Долгопрудный и наукоград в городе Сарове. Мы считаем, что этот путь развития образовательной системы наиболее перспективный сейчас. Поэтому, я считаю, что вот это активное сотрудничество университета, высшей школы с конкретными предприятиями в этой сфере, являлось бы наиболее перспективным развитием этой отрасли.

Что еще хочется сказать по поводу управления наукоёмким производством. Отвечая на запросы времени, все-таки тема автаркии рассматривается. Автаркия не совсем перспективна, потому что это путь суверенный, но это ведет, практика показывает, к замораживанию технологической отсталости. Поэтому путь автаркии немножко тупиковый, на мой взгляд. Частичная автаркия была при железном занавесе, как мы помним. И то мы находили возможности преодолеть этот железный занавес в наукоёмком производстве через страны третьего мира, в частности через Финляндию, через Венгрию. Автаркия в данном случае нам не поможет в том смысле, что глобальный современный мир не дает возможности сохранения каких-то автономных образований достаточно длительное время,

это вопрос национальной безопасности. Поэтому мы вынуждены будем формировать новые блоки, новые технологические цепочки.

Вчера предлагали на пленарке территориальное оформление пространства в форме нового Транссиба. Транссиб – это, конечно, хорошо, но можно придумать. Была критика со стороны Оксаны Дмитриевой, этого самого проекта нового Транссиба, потому что это технологический проект 150-летней давности. Однако можно придумать некий Транссиб, условно говоря, условный Транссиб, то есть связывание больших территорий на новой технологической основе. Тут может быть масса проектов. Поэтому такие коммуникационные проекты крайне перспективны, на мой взгляд. Здесь проект такого рода, проектное управление будет крайне перспективно, который подрывает недостатки автаркии, тем не менее, позволяет позиционировать страну в этой отрасли как полноправного участника высокотехнологичного развития. Вот что я хотел сказать.

(00:24:37)

Алексей Сурин: Спасибо. Я, пользуясь моментом, хотел сказать. Есть у меня восприятие со стороны автаркии. Это не так, я хотел сказать другое. Мы все противники гонки вооружений, но гонка вооружений имеет место, потому что она кое-кому выгодна. И поэтому автаркический вектор существует не потому, что кто-то из нас считает, что он нужен, а кому то он выгоден и без него не могут обойтись.

Дмитрий Земляков: Это диллема, проблема суверенности, проблема замкнутости. Это как раз дихотомия.

Андрей Царенко: Дмитрий Николаевич, можно, пожалуйста, маленький вопрос. Вы очень резонно отметили важность кадрового обеспечения, кадровой поддержки. На ваш взгляд, перспективно ли возвращение больше внимания к целевым программам обучения, внимания к контрактам, когда предприятие оплачивает обучение и потом в течение определенного срока выпускники отрабатывают.

Дмитрий Земляков: Я об этом говорил. Это единственный путь в известном смысле элитарного образования, образования под заказ. В хорошем смысле. Ориентированного не на какую-то элито-социальную или элитную группу, а именно на технологичную элиту. Мне кажется, это единственный путь формирования таких.

Андрей Царенко: Уважаемые коллеги, следующий наш спикер Александр Николаевич Домбровский, вице-президент коммерческого банка «Акрополь», профессор Кубанского государственного технического университета, кандидат технических наук, академик «Российской академии транспорта» и действительный муниципальный советник I класса. Здесь как раз интересно, может быть взгляд и со стороны бизнеса, и со стороны государственного управления чиновничества.

Александр Домбровский: Спасибо, Алексей Викторович. Уважаемые коллеги, очень интересная тема, на самом деле хотел бы остановиться в рамках заданной нашей программы на барьерах, потому что мы очень много сможет сделать, но, как правило, барьеры мешают реализации очень многих проектов. Из того, что я планировал высказать о барьерах и предложениях. Я согласен с Дмитрием Николаевичем, потому что действительно первое – это кадры. И один из наших барьеров – это то, что у нас нет действительно целевой подготовки для наукоёмких отраслей кадров. Он есть, но с другой стороны наше государство должно более активно в этой сфере участвовать и задавать более жесткие, строгие правила в этом направлении с точки зрения подготовки специалистов.

Давайте вспомним недалекое прошлое, в котором еще мы были, те же заводы ВТУЗы, которые были при крупных предприятиях. Это как раз была та форма, которая позволяла снимать один из барьеров – это неквалифицированные специалисты. Сегодня мы откатились назад, у нас этого нет. Поэтому такие формы как филиалы, кафедры на производстве, целевая подготовка должны развиваться, потому что без хороших специалистов мотивированных, идеологически подкованных, если мы готовимся к проекту полета на Марс. Мы должны все понимать, что нам это даст. Либо это просто красивая картинка, мечта человечества туда попасть. Либо это серьезный проект с обоснованием экономической, социально и другой необходимости данного проекта.

Второй барьер, а может, даже и первый – это, конечно, наши административные барьеры, то, что у нас сегодня происходит. В этом отношении, хочу сразу начать с предложений. Мне кажется, нужно, что касается серьезных наукоёмких производств и каких-то программ, нужно полностью кардинально поменять процедуру и методы федеральных государственных программ, целевых программ в данном направлении, потому что если кто-то с этим сталкивался, все понимают, если есть поручение президента, то эта программа еще проходима. Опять же, пройти эти круги между министерствами, ведомствами для того, чтобы программа была реализована. Дело даже не в тех кругах, которые нужно пройти, не буду называть их тем словом, которым их часто называют. Самое главное, это потеря времени. Что касается наукоёмких производств и каких-то программ, это очень важно, важно время. Мы очень много его теряем, реализуя, проходя нами же принятые сами все процедуры согласования, принятия и реализации.

Поэтому здесь как предложение, это нужно действительно для таких важных, прорывных для страны наукоёмких программ и предложений – это полностью кардинально поменять методы, программы, процедуры принятия решений там, где связано с государственным финансированием.

(00:29:50)

Следующее предложение вытекает из предыдущего, в рамках упрощения этих программ, мне кажется, нужно было бы принять и какие-то специальные режимы финансирования этих программ. Например, мы все свидетели проблем космодрома «Восточный». Может быть, их мало освещали, но принципиально в чем была проблема. Та смета, которая была утверждена, она оказалась недостаточной. Я уверен, что здесь этому есть совершенно объективные и правильные причины. Подорожание материалов и всего-всего. В наших условиях корректировка этой программы должна длиться годы, того чего не могли себе позволить на «Восточном». Естественно, в этих отсутствиях условий, по всей видимости, принимались решения, все, не будем платить зарплату, нужно срочно закупать материалы. Стала проблема с зарплатой, так, давай срочно платить зарплату, на материалы не хватает, одно недоделали, другое недоделали. Слава богу, хоть первый запуск сделали. Поэтому здесь нужны специальные особые режимы финансирования этих программ. Я не критикую, у нас правильно отлажена система, но что касается прорывных программ, она должна быть другая. Она должна отвечать тем вызовам, самое главное время. Время и реализация, чтобы не было из этого каких-то задержек. Вплоть до того, что введения каких-то финансовых комиссаров.

Мы же доверяли в 50-х годах, когда мы создавали атомную промышленность. Мы доверяли в 60-х годах, когда делали прорыв в космосе. Сегодня возникают постоянно эти проблемы. Поэтому нужно введение такого института, чтобы были люди, которые могли распоряжаться каким-то определенным фондом, у которых был специальный режим расходования. И, естественно, эти все моменты, которые есть. Мы все понимаем, только начинается результат какой-то программы, все, через три месяца приходит Счетная палата или еще что-то. Естественно, это все отвлекает. Здесь нужно именно с точки зрения управления на государственном уровне совершенно другой подход в реализации этих всех программ. Повторюсь, это кадры, специальный режим финансирования и специальный упрощенные режимы принятия и корректировки этих всех программ, потому что самое главное время, и мы в этом отношении мы если не поменяем, то будем иметь постоянные проблемы, постоянные уголовные дела, они будут неизбежны. Вкратце, чтобы времени много не занимать.

Андрей Царенко: Спасибо, Александр Николаевич.

Алексей Сурин: Пока дают слово, я тоже попытаюсь развить эту идею. Она для меня более остро стоит, чем вы обозначили в силу ряда причин. Первое, мне кажется, когда мы запрашиваем финансирование, большинство из нас, если имеют дело, лукавят. Либо назвать меньше, чтобы что-то дали, а уж потом... Либо запрашивают больше, чтобы дали хоть сколько-то, но точно – никогда нет. Это наша психология.

Второе, финансы при всей своей важности в проектах, которые делались в советское время, имели гораздо меньшую роль. Там было другое, там была идеология: я должен

сделать дело важнейшее, пусть даже не будет денег. И второе, если бы не сделали, мне бы голову оторвали. Это тоже работало. Сегодня, к сожалению, этого нет. Поэтому выгода от того, что я украду деньги и даже откуплюсь потом, превышает эффект того, что я должен сделать «Восточный» и так далее. Воровство, к сожалению, связано не только с плохими моральными качествами людей, но еще той установки, что заработать надо превыше всего. В эту идеологию мы попали, к сожалению, и пока из нее не выпутаемся, надо будет использовать и другие меры управления, а не только финансово-экономические.

Александр Домбровский: Моральный барьер существует. Не зря Берия руководил всеми проектами прорывными.

Андрей Царенко: Александр Николаевич очень хорошо заметил, что существует проблема согласования, утверждения программ, а самое главное – их переутверждения, управления изменениями. Действительно, очень важны проектные практики. Здесь возникает проблема координации всего этого процесса на высшем уровне. Недаром в июне этого года был создан Совет при президенте по стратегическому развитию и приоритетным проектам, потому что если мы видим, что какая-либо программа – это удел отдельного министерства или ведомства. Мы понимаем, что уходим в микро политику. Вспомним того же Минцберга «Школа власти», мы теряем ребенка в этих водах согласований, переговоров, иногда манипуляций, отстаивание узких собственных интересов министерств ведомств, при финансировании в том числе.

(00:35:10)

Коллеги, разрешите дать слово Ирине Николаевне Мысляевой, доктору экономических наук, профессору кафедры стратегического планирования и экономической политики МГУ имени Ломоносова.

Ирина Мысляева: Уважаемые коллеги, мне очень приятно присутствовать на этом круглом столе по одной простой причине. Я может, не столь активно занимаюсь наукоёмкими технологиями, я больше занимаюсь социальной проблематикой. И наверно, в рамках данной темы меня больше всего интересуют социально-экономические последствия внедрения наукоёмких технологий, потому что мне представляется этот момент тоже важным с точки зрения управления этим процессом. Я назвала свое выступление таким образом, «Изменение доли живого и исчисленного труда как фактор риска перехода к наукоёмкому производству».

Большинство из нас, кто присутствовал на пленарном заседании, обратили внимание на те идеи, которые неоднократно высказывались многими докладчиками. Это идеи о том, куда мы идем с точки зрения внедрения наукоёмких технологий, научно-технический прогресс куда ведет, хорошо ли от этого всем или от этого здесь возникают какие-то дополнительные риски и противоречия. Те ответы, которые звучали, на мой взгляд, тоже были достаточно однозначными, когда говорили, что уменьшается доля живого труда. Там

постоянно вспоминали роботов. Это выглядит с точки зрения социальных последствий как негативный фактор, потому что люди вытесняются из процесса труда. С одной стороны, дело понятное, потому что – для чего человек изобретает машины? Для того, чтобы облегчить свою собственную жизнь. И облегчить сам процесс труда, но когда он сталкивается с последствиями этого облегчения, он неизбежно видит то, что он становится излишним, невостребованным.

И вчера я в конце дня присутствовала на той секции, которую вел Гринберг насчет кризиса социал-демократической модели. Там были очень интересные предложения, вплоть до того, чем занять этих людей. В том числе, Бузгалин о том, что дать им возможность работать, ничего не платить, но они, таким образом, будут чувствовать себя людьми, что они нужны обществу, потому что если человек выходит, оказывается за пределами процесса труда, то теряется его связь с обществом, становится не социализированным и это для человека куда более серьезное последствие, чем отсутствие средств существования. Действительно есть такая проблема. Наверное, не совсем правильно будет говорить о том, что наш генеральный путь состоит с точки зрения нашего отношения к социальным последствиям НТП, состоит в том, что мы должны сокращать долю живого труда, а этих живых людей надо будет чем-то занять, но не обязательно им будет платить.

Я думаю, что это не совсем верно, потому что даже пенсионеры нуждаются в том, чтобы реализовывать себя как личности, все-таки есть и элементарные потребности, которые надо удовлетворять за счет каких-то средств.

Мне кажется, здесь проблема лежит в немножко другой плоскости. С одной стороны – да, мы говорим о том, что человек выводится за пределами производства. Даже не спасает развитие сферы услуг, которой еще много лет назад уделялось внимание, как такому буферу с точки зрения занятости населения. Когда в основном в производстве количество занятых людей будет сокращаться, они перетекут в сферу услуг. Этот фактор, мне кажется, сегодня не очень работает. Мне представляется, что здесь надо двигаться по пути переосмысления нашего понимания процессов распределения доходов в обществе в связи с переходам к наукоёмким технологиям.

(00:39:36)

Вот что мне хотелось бы отметить, буквально кратко, потому что я понимаю, что у меня нет много времени. Я сама занимаюсь этими вопросами распределения доходов, и я в последнее время пыталась понять, какие принципы у нас лежат в основе распределения доходов. Вы знаете, может быть, кто-то из вас занимался когда-то экономической теорией, они знают, что вся классика у нас построена на так называемой теории факторов производства. Имеется в виду, что есть фактор труда, фактор капитала, фактор природный. Соответственно, каждый фактор получает свою определенную долю дохода. Труд – заработная плата, капитал – процент и так далее.

С точки зрения современной западной науки вообще никаких проблем эксплуатации, неравномерного распределения доходов вообще не существует, потому что каждый получает в соответствии со своим вкладом. Когда встает вопрос, а если этот живой труд сокращается в процессе производства, то получается, логично, что мы следуем этой теории, то мы неизбежно должны констатировать тот факт, если он не работает, то он не должен ничего получать. Мне кажется, вот здесь встает проблема распределения результатов труда при увеличении доли научной составляющей. Каким образом должен распределяться доход? Мне представляется, что здесь должны принципиально меняться взгляды на ту роль, которую играет каждый фактор, но и какую долю он должен получать и в какой форме должно существовать распределение.

Как показал опыт последних лет, если мы остаемся в рамках вот этой модели восприятия понимания процессов распределения, то мы неизбежно движемся в какую сторону? В сторону усиления неравенства распределения доходов.

Данные последнего доклада, которые были опубликованы перед Давосским форумом этого года, привели большинство населения в шок, потому что приводились такие данные, что на сегодняшний день только восемь человек, восемь наших крупных миллиардеров, владеют примерно таким же количеством богатства, как и 3,5 млрд населения. То есть половины населения планеты на одной стороне и восемь человек на другой. Хотя в 2010 году таких миллиардеров было больше 200. То есть за очень короткое время произошла эта поляризация доходов.

Мне представляется, что эти цифры свидетельствуют о том, что усиление научной составляющей в структуре продукта, является тоже фактически одним из факторов неравномерности распределения доходов. В соответствии с той реальной и теорией, и практикой распределения доходов получается, что именно класс собственников, а он становится все уже и уже, присваивает себе в виде доходов тот результат, который общество получает от использования наукоёмких технологий.

Поэтому здесь мне представляется, что нужно думать о том, каким образом вот эту долю продукта, которая обеспечивается наукоёмким производством вычленишь. Каким образом ее обобществить. И затем использовать на повышение доходов всех групп населения. Что такое наука – это результат деятельности не одного человека, не даже того собственника, который имеет патент на использование этого изобретения. Это результат деятельности всего общества. И все общество, наверное, каким-то образом должно для себя понять и выработать механизмы получения доходов от использования этой части. Если мы этого не поймем и не выработаем, я думаю, что тот прогноз, который был в этом докладе, думаю, что в ближайшее время появится первый триллиардер. Наверно, это будет та траектория, к которой мы неизбежно придем. Что останется делать всем тем, кто останется за бортом,

тоже известно. Наверное, это будут те люди, которым будет терять нечего. Мы знаем, что эти люди способны сделать. Спасибо.

Мужчина: Один вопрос как специалисту. Скажите, где здесь грань между социальной помощью и возможностью людей заставить работать? Смотрите, что сейчас в Европе происходит, там большая социальная поддержка, люди просто перестают работать, а зачем? Люди все разные, есть категории людей, которые будут работать только тогда, когда уже бедность крайняя, кушать вообще нечего. Где здесь крайности, как специалист, который этим занимается, где здесь грань между возможностью заставить людей работать и желанием, чтобы они не умерли с голоду.

(00:44:55)

Ирина Мысляева. Я думаю, что здесь грань только в том, каким образом организована сама эта система социальной помощи. Думаю, что здесь можно усовершенствовать те механизмы, которые есть. Которые бы не порождали такого рода социальное иждивенчество.

Андрей Царенко: Очень интересно, Ирина Николаевна, вы поставили проблему, что у нас роботизация, автоматизация. В этой связи что делать. Помните, у нас когда-то были мечты? Шестичасовой рабочий день, четырехчасовой рабочий день, культура, искусство, театры. Вопрос коммерческих целей.

Ирина Мысляева: Как тут не вспомнить слова Маркса, который как раз и рассматривал, его многие упрекают в экономическом детерминизме. На самом деле Маркс говорил о чем, если будет развиваться производство, человеком будет выводиться за его пределы, то, что с ним будет. Мы все переместимся с вами из царства необходимости в царство свободы, и свободное время будет главным нашим богатством. Вся проблема в том, когда мы перемещаемся в это царство свободы, должны быть принципиально изменены формы присвоения созданного продукта. У нас сегодня изменения технологические, они не сопровождаются изменением в системе социально-экономических отношений. Грубо говоря, формы присвоения остаются часто. Которые и приводят к таким гипертрофированным формам усиления неравенства распределения доходов.

Мне кажется, если бы мы задумались о том, как мы должны здесь менять этот механизм и распределение, то, наверно, что-то могли решить. Например, в советское время были общественные фонды потребления. Была какая-то доля продукта, которая обобществлялась обществом для решения общих задач. Я не говорю, что надо повторить эту форму. Может что-то такое создать в виде финансового ресурса, которым могло распоряжаться все общество. Вчера тоже звучали предложения национализировать природную ренту. Да, а как мы ее дальше будем ее использовать. В этом же вопрос, одно дело, мы можем их куда-нибудь зарыть, в очередном космодром, а другое дело решить проблемы благоустройства, социального обеспечения, пенсионного обеспечения. Поэтому

здесь важна поддержка со стороны общества в целом и контроль общества со стороны в целом, если мы хотим что-то изменить, потому что власть найдет, куда деньги деть.

Алексей Сурин: Я хочу одну вашу мысль развить по поводу того, куда высвободиться – это будут. Сегодня у нас два направления, куда высвобождающиеся люди пойдут. Первое – это общественные работы, не престижные, не интересные. Идти красить заборы и так далее. Понятно, что человек – это раб будет, и он будет от этого бежать. Второе – это и правильно, и не совсем, – сфера услуг для власть предержащих. Я пойду охранником, я пойду бонной для ребенка, я пойду сторожем и так далее. В этом плане я буду служить им, а не обществу. Действительно, нам предстоит продумать, что общество может сделать для оптимизации направления вот этих людей. Какой-то вид творческой работы, уменьшение живого труда, которые не оплачиваются. Может быть компенсирован, но не за счет экономики, потому что выгодным это все равно не может быть. Когда ты сочиняешь настоящий стих, ты не думаешь, сколько тебе за него заплатят. Когда ты сочиняешь музыку, ты не думаешь, когда ты ребенка учишь чему-то хорошему, ты не думаешь. В этом самое великое достижение, если мы поймем, что деньги не определяют всей нашей идеи. Если мы это поймем, нам будет легче.

Андрей Царенко. Спасибо, Алексей Викторович. Сегодня у нас присутствуют коллеги из МГУТУ имени Разумовского. Это Оксана Александровна Сагина и Владимир Петрович Третьяк, профессор МГУТУ. Насколько понимаю, у вас коллективный доклад. Разрешите предоставить вам слово.

(00:49:19)

Владимир Третьяк: Спасибо, коллеги. Я очень рад, что есть такая возможность обсуждать возможность рисков в инновационном производстве. Речь идет о том, что развитие инновационных производств связано с нематериальными активами. Когда наши по телевизору жалуются, что какие-то компании кого-то подслушивают, это означает это и есть нематериальный актив, который продается нам, и мы его не знаем. Второе, что если возьмем западные компании, то мы увидим, что там рост нематериальных активов идет выше, чем материальных. Нематериальные активы иногда опережают развитие материальных активов. Это, к сожалению, в нашей стране считается неважным, потому что проводилась приватизация компаний еще в 90-е годы, то там нематериальные активы вообще не учитывались.

Я предлагаю ввести в связи с нашей темой такое понятие, как корпоративный форсайт в качестве нематериального актива. Все компании вы знаете, продаются, покупаются, они чего-то стоят. Там учитываются и материальные и нематериальные активы. У нас материальные активы учитываются хуже. Что такое корпоративный форсайт? Он бывает разные. Не буду об этом долго рассказывать, здесь все люди грамотные. Корпоративный форсайт – это связано с развитием компании в долгосрочной перспективе. Поэтому, какое

может быть инновационное развитие какой-то компании без долгосрочного взгляда на этот счет. Японские концерны провели 14 форсайтов по развитию автомобилестроения и Японии в целом. Японские автомобили всем известно чего достигли. Немецкие компании, тот же Siemens проводит корпоративный форсайт по железнодорожному транспорту. Все знают, что лучших локомотивов вы нигде не купите.

Я присутствовал при разработке дорожной карты компания Nokia, лет пятнадцать назад она занимала доминирующее положение. В наших компаниях – я проводил специально опрос с представителями крупных компаний – примерно 70% людей только слышали о том, что есть такое понятие как форсайт. Между прочим, предмет, который мы с вами преподаем стратегическое управление, там как раз красной нитью проходит, что отличие стратегического управления от стратегического планирования состоит в том, что есть элемент предвидения. Так или нет? У нас это не учитывается.

Второе, что я хочу сказать. Под форсайтом понимается с легкой руки наших уважаемых людей, вместо того, чтобы заниматься форсайтом, они предпочитают пофорсайтить. Собраться, на пароходе проехать где-то и рассказать о том, что будет в будущем. Форсайт – это не то, чтобы показать, что будет в будущем. Форсайт состоит в том, чтобы согласовать разнонаправленные интересы разных людей. Относительно компании, это кого? Собственников, менеджмент, работников и потребителей. Если проводится форсайт, то повышается уровень согласования интересов. У нас форсайт проводится так, написали, положили, отдали.

Сейчас идет форум по Арктике, мы четыре года назад предлагали, давайте проведем форсайт небольшой, чтобы понимать, что делать. Сейчас все говорят, что то-то и то-то сделали. А я встречал Рафаэля Поппера, который на американские деньги в Финляндии провел корпоративный форсайт. И теперь мы будем объясняться, почему этих согласованных интересов с Исландией и так далее у нас нет.

Завершая мое короткое выступление, я хотел бы сказать, что крупная компания только тогда будет иметь перспективу своего развития, у нас такие компании есть, в отличие от западных, когда у них будет корпоративный форсайт. И он должен находиться в качестве нематериального актива и должен учитываться в балансе этой компании. Я не буду дальше рассказывать. Если относительно чего-то писать, я предлагаю две фразы записать. Первая – рассматривать корпоративный форсайт как нематериальный актив в инновационных производствах. Второе – необходимо проведение корпоративного форсайта для крупных компаний, спасибо.

Андрей Царенко: Большое спасибо. Хорошо, что отметили важность неформального подхода к форсайту, потому что мы вспомним стратегии инновационного развития компаний с государственным участием. У нас была задача, документы записаны, а по существу, если откроем, во многих случаях сугубый формализм и ничего более. Коллеги,

есть ли вопросы и комментарии? Алексей Викторович, разрешите представить нашего следующего докладчика. Владимир Семенович Филиппов, доцент РЭУ имени Плеханова. У вас презентация.

(00:55:11)

Владимир Филиппов: Добрый день, дорогие коллеги. Мой доклад не посвящен напрямую высокотехнологичным производствам, но промышленность, я думаю, это самая главная часть инновационных производств. Мой подход немного отличается. Я слушаю много лет и радио, телевидение, наш форум замечательный. Говорят все время одно и то же. Почему-то нет попытки, взглянуть на некоторые другие проблемы и попытаться все-таки найти и увидеть, что есть другие причины. Я в своем докладе хочу три мифа развенчать.

Первый миф, который широко присутствует, особенно в стенах нашего форума, – о том, что во времена СССР было все замечательно, нам надо просто вернуться туда и будет все хорошо. Во времена СССР даже великие академики не понимали, что в эффективности присутствует знаменатель. То есть затраты. Когда говорят о великих достижениях, почему-то забывают о том, сколько это стоило. Не случайно, что все ресурсы уходили в эти проекты, поэтому было обнищание людей, поэтому это не может служить примером для нашего дальнейшего будущего.

Второй миф, сейчас в основном об этом говорят, что главное – это деньги. Нет денег, дорогие кредиты. Инвестиций нет. На самом деле, если вы поговорите с работниками банковской сферы, то денег просто девать некуда. Ими набиты все банки. То есть проблема в том, что инвестор, он умный человек, он умнее, чем экономист, понимает, что вкладывать надо туда, чтобы не потерять эти деньги. И проблема лежит в производственной системе, проблема не лежит в области финансов. Что-то не так в производстве, что-то его пугает. К сожалению, экономисты рассматривают производство как черный ящик. Так называемый кабинетный экономист, который с экономического факультета МГУ пришел в кабинет, никогда в цеху завода не был. Он даже не представляет, что там происходит. Ему кажется, что если туда вложить инвестиции, то естественно там будет все хорошо.

Третий миф, с этим связанный, чуть дальше будет. Пока я хочу сказать, что есть такая проблема. Есть замечательная книга «Культура имеет значение». Там приведен пример по Латинской Америке, не считая России, это ближе всего к нам Латинская Америка. Там выясняли, в чем причина плохого качества сумок. Результат был такой, что, в конце концов, там были виноваты коровы, которые портили свои шкуры о забор. В развитых экономиках всегда говорят, что это не наша вина, это всегда вина наших поставщиков. Основная проблема – это проблема поставщиков. На примере АвтоВАЗа можно проследить. Автомобиль – это 15 тысяч деталей, если одна деталь будет плохая, то понятно, что весь автомобиль будет плохой. Проблема поставщиков, знакомый вам персонаж, которого

недавно сняли, как раз за это пострадал. Он пытался найти хороших поставщиков и понял, что хорошие поставщики существуют только вне России.

Наконец третий миф – это то, что все считают, и здесь прозвучало, что если людям работникам хорошо платить, то они от этого будут хорошо работать. Они работают хорошо только потому, что они мало получают. Представьте себе, например, если возьмем плохого футболиста и заплатим ему 50 млн долларов, будет он от этого хорошо играть? Точно также любой рабочий у станка, он работает только так, как может и заставить его работать лучше, платя ему больше, к сожалению, не получится. К сожалению, экономисты очень мало внимания уделяют человеческому фактору. Думаю здесь и лежит основная проблема наших неудач, потому что никто не изучает этого просто напросто. Не имею окончательных ответов, но, по крайней мере, я точно знаю, что эту проблему никто не изучает, никто не пытается ответить на вопрос как заставить людей. Здесь прозвучало, что людей надо обучать.

(00:59:30)

Мне кажется, что основная проблема может быть не в квалификации, а в желании работать. У моего знакомого бизнес, окна они вставляют. У него живая статистика есть. Десять человек, все десять могут работать, но только один из десяти выкладывается на все сто, он делает так, как нужно, остальные девять просто халтурят. Как заставить высоко обученных людей работать правильно, на этот вопрос никто не ответил. Не знаю, времени хватит сказать, почему холодильник лучше, чем телевизор. Холодильник до сих пор еще где-то работает, но телевизоры вряд ли, потому что холодильник проще.

Мы не можем делать электронику и никогда не сможем это сделать, в обозримом будущем, конечно, потому что российский человек не может делать монотонную работу, ему просто скучно. Всегда воспринимают, что я хаю русских людей, есть люди, которые не на своем месте. Если он не может делать электронику, не значит, что он вообще ничего не может делать.

Моя основная идея в том, что нужно выяснить, каковы наши конкурентные преимущества. И есть хороший пример, я базируюсь на хороших примерах. (нрзб) (01:00:56) в Ярославской области, они очень четко поняли, что никогда не найдут хороших людей. Нужно так выстроить технологический процесс, чтобы – ключевое слово – нивелировать недостатки человеческого фактора. Есть примеры, как это можно сделать. Точно так же, второй пример – завод металлопродукции в Санкт-Петербурге, прекрасный завод, он все мировые тендеры выиграл. Почему? Потому что они поняли, что нельзя делать сложные вещи, можно делать простые, капиталоемкие. Здесь они прекрасно за счет автоматизации, за счет улучшения технологических процессов достигли успехов.

Прихожу к выводам. Первое – это две проблемы, это связанность, нельзя счастье построить, если у вас есть куча, надо понимать, как это все будет выстроено. Второе – это

человеческие ресурсы. На сегодня преимущества имеют локальные, изолированные технологические процессы, которые позволяют отойти от недостатков поставщиков. Либо, безусловно, это должна быть связь с мировым рынком. Конечно, автаркия даже обсуждать не хочется. У нас вся передовая находится на Западе. Немножко на Востоке. И, конечно, у нас сейчас преобладают не технологические целесообразности, а желание сохранить власть, поэтому здесь тяжело с этим вопросом. Что касается второго, тоже есть решение и надо смотреть на то, в чем причина успешных компаний. Поэтому мой основной вывод больше позитивный, чем негативный, потому что мы видим и хорошее, надо просто учитывать. Наверное, и все. Спасибо за внимание.

Антон Ищенко: Ищенко Антон Анатольевич, председатель Центрального совета и всероссийского общества изобретателей и рационализаторов. Учитывая вашу презентацию, я сделал вывод, что вы призываете ликвидировать вообще наукоёмкие производства, чтобы ими не управлять или я ошибаюсь?

Владимир Филиппов: Нет, абсолютно не так. Поскольку вы изобретатель, у нас в стране нет проблем с изобретением, а есть проблемы, как Владимир Владимирович сказал, с внедрением. Так почему не внедрять? Потому что некуда внедрять, вы изобрели, дальше куда? Надо чтобы было соответствие качество производства. У нас его нет, уходит на Запад, потому что там есть куда внедрять, вот в чем причина. И наукоёмкие, конечно, нет, надо подходить здраво. Понятно, что я считаю, что «АвтоВАЗ» – это безуспешно. Если мы будем пытаться сделать все сами. Нам надо потихонечку выстраивать. Весь азиатский мир прошел этот путь. Они брали американский автомобиль, потом начинали то, что называется локализация. Один винтик, третий, четвертый. Через десять лет они весь автомобиль сами делают. У нас не проходит этот процесс почему-то. У нас если локализация началась, один коврик сделали, и то негодный. С другой стороны, мы начинаем все сами делать. Давайте будем двигаться маленькими шажками и учитывать мировые технологические связи.

Мужчина 1: У меня вопрос такой, по поводу первого мифа, который вы разоблачали. Каким же образом тогда объяснить, что был сделан такой технологический прорыв на российских технологиях? Во-вторых, ведь технологический прорыв опирался на достаточно развитую советскую науку, которой сейчас у нас нет. Поэтому, когда вы разоблачаете, говорите, холодильник хорошо работает, а телевизор не работает. Да телевизор КВН 50 лет работал, его на помойку хорошим выбрасывали. У вас здесь немного не вяжется, когда вы мифы разоблачаете. Уж если мифы разоблачать, тогда надо с конкретными фактами, а не просто двумя фразами.

(01:05:06)

Потом, что значит ориентироваться на других? Другие вам продадут самые современные технологии? Это тоже большой вопрос. А мы продадим свои самые современные технологии по вооружению? С-500 кому то продадим сейчас? У американцев есть такая

технология? Ракетные поезда они смогли сделать при всех своих затратах и инвестициях? У них это не получилось, у нас это получилось. Поэтому вы тут перекося определенный делаете в этих вопросах. Мифы надо разоблачать, но мне кажется, более серьезно.

Владимир Филиппов: Только неделю назад был в Королеве, разговаривали. Там средства доставки, почему только мы умеем делать средства доставки уже 20 лет, задали вопрос главному конструктору. Он говорит: «Все все знают, нет сейчас никаких секретов. Это все глупости. Просто они не могут сделать, а мы сделали». Что касается советскости, я сам много прожил в это время и с уважением к этому отношусь. Надо понимать, что все достигалось за счет больших затрат.

Все достижения военные, космические как происходили? Это была технология в технологии. Для того чтобы создать хороший военный, создавали специальные цеха на заводах. Понимали, что то, что обычное, оно не годится. Это были огромные затраты. То есть все высасывалось, вся экономика высасывалась в эти достижения. Кто их не отрицает. Производительность труда была в десять раз ниже. Она и сейчас в десять раз ниже. Если мы хотим просто сделать лучший в мире самолет, мы можем это сделать, но нам нужно чтобы при этом и люди хорошо жили. Поэтому производительность труда, я думаю, нам не хватит здесь времени с вами это обсудить, в советское время была низкой, а наука это вообще отдельный вопрос.

С наукой у нас всегда было хорошо, думаю, и всегда будет хорошо. Думаю и сейчас не так уж и плохо. Есть определенные проблемы. Наука – это один человек, два человека десять человек, они могут сделать прорыв, а вот в технологии нужны сотни, десятки тысяч человек. Там уже выбор нельзя осуществить, нельзя отобрать десять тысяч хороших работников. Очень сложно отобрать, поэтому здесь...

Мужчина: У вас есть рецепт как на нашей территории без того, что вы предлагаете все забыть?

Владимир Филиппов: Нет, вы неправильно понимаете. Все забыть не надо, это адресно надо.

Мужчина: Рецепт?

Владимир Филиппов. Собственно, японцы и все эти продемонстрировали. Постепенными мелкими шагами, используя, в том числе, и советские, зарубежные, мирового уровня технологии постепенно их внедрять и постепенно мелкими шажками двигаться. Мы не можем сразу улучшить качество. Как сейчас «АвтоВАЗ» хочет поднять сразу весь комплекс, это невозможное сейчас решение. Все равно на выходе будет...

Алексей Сурин: Японцы многое у нас взяли.

Андрей Царенко: Коллеги, давайте дальше, у нас регламент. И все-таки у японцев главное – это развитие человеческого капитала, как мы сейчас вспоминаем.

Алексей Сурин: Национальная особенность.

Андрей Царенко: Вспомним европейскую традицию, которую они унаследовали, цепная реакция Деминга, что качество труда сотрудника и качество функционирования компании взаимосвязаны. Дмитрий Николаевич, ваш вопрос?

Дмитрий Земляков: Спасибо за интересный доклад, меня как всегда задела проблема ментального обеспечения научно-технического прогресса. Вопрос такой, как вы думает, создание большого государства за 500 лет с XV века по XX. Движение фронта на юг на 5 тысяч километров и на восток на 8 тысяч километров, это монотонная работа или нет?

Владимир Филиппов: Вы знаете, как раз недавно Константинов рассматривал средневековье.

Андрей Земляков: Не средневековье, а за 500 лет, с XV по XX век.

Владимир Филиппов: Там интересная вещь получается. Дело в том, что рассматривать конкурентные преимущества людей надо не вообще, а применительно к определенной технологической формации. Они все время меняются, сейчас у нас пятый.

Андрей Земляков: Вопрос конкретный, монотонная работа или нет создание и освоение пространства в течение 500 лет?

Владимир Филиппов: Думаю, что скорее нет. Там война, это действия не очень монотонные.

(01:10:00)

Андрей Земляков: Какая война?

Владимир Филиппов: Я хочу сказать, что был первый технологический уклад, когда русские люди были более конкурентоспособны. Они наименее конкурентоспособны в рамках четвертого уклада. А может быть придет шестой. Я пишу шестой, там мы, возможно, будем конкурентоспособны. Я понимаю, что хотите монотонный. Война, ходить в походы на Сибирь, я думаю, что это менее монотонно, чем стоять у станка и делать такие движения все время отточенные. Поэтому здесь у нас успехи были лучше. Мы действительно были в XVIII веке гораздо более представлены.

Андрей Земляков: (нрзб) (01:10:42) не воевали.

Андрей Царенко: Спасибо, мы, к сожалению, ограничены регламентом. Поэтому можно будет продолжить дискуссию в рабочем порядке. Сейчас слово предоставляется доктору философских наук, заслуженному профессору Московского университета, профессору кафедры теории, технологии управления Наталье Васильевне Агафоновой. У нее

презентация, Наталья Васильевна вам микрофон и наша поддержка. Следующий спикер – Антон Анатольевич Ищенко.

Наталья Агафонова: Мне хотелось вернуться к исходной теме нашего круглого стола, проблемам управления, потому что мне кажется, что этот новый этап, в который мы вступаем или планируем вступить, шестой технологический уклад, он предполагает особую роль управления в этих процессах. И сейчас предполагать или готовиться к тем вызовам, которые нас в связи с этим ждут. Наверное, это некая предварительная оценка, которую надо сделать и иметь в виду для реализации в сфере управленческой деятельности. Сначала несколько слов по поводу наукоёмкого производства.

Андрей Царенко: Я буду помогать.

Наталья Агафонова: Спасибо. Возвращаясь к темам и тезисам, которые звучали сегодня на конференции, хочу обратить внимание, что предложенный проект нашим экономическим отделом РАН по поводу экономически организованного пространства Транссибирской магистрали. Он очень наглядно был проявлен теми кадрами фильма, которые его сопровождали. Если вы помните, речь шла что Транссиб начал строиться при Александре III и люди в лаптях, с кирками, лопатами в грязи по уши копают, строят эту дорогу. Я не знаю, насколько это вызвало реакцию, зала, участников круглого стола, которые частично негативно отнеслись к этому проекту.

Смысл был в том, что этот проект будет новый технологический, либо он будет использовать тот же самый живой труд и людей, если не в лаптях, но в сапогах и с теми же лопатами, потому что если бы это прозвучало в каком-то замечании и не с таким сопровождением кадров, что это будет абсолютно новый технологический проект, который будет, чуть ли не воздушная дорога. Там будут чисто автоматизированные средства и поезда, которые едут. Наверное, можно было откликнуться. Но в таком сопровождении этот проект выглядел очень далеко от той идеи развития наукоёмких производств, шестого технологического клада и так далее. Хотя экономическая связь регионов, всех областей, связь востока и запада, конечно, это вещь важная. Поэтому наверно проблема. Это как иллюстрация к проблеме наукоёмкого производства.

У меня еще несколько иллюстрация будет. Напомнить, что связано с проблемами наукоёмкого производства. К сожалению, мы учим наших управленцев и экономистов, я здесь согласна с нашим предыдущим выступающими, которые вообще не видели никакого производства. Они собираются там выступать в качестве управленцев, они будут управлять, но что это такое, как это происходит, понятие имеют очень смутное. В связи с этим тоже хочу присоединиться к той идее, которая была высказана, по поводу того, что должны быть такие центры образовательные, анклав при производствах, которые могут реализовать это единство. Не искусственно созданное. Тут очень сложный процесс важного процесса соединения науки и практики, с которым мы сталкиваемся.

(01:15:18)

Андрей Царенко: Внутренние консультанты, эксперты.

Наталья Агафонова: Эта идея хороша и она реализуется, потому что все крупнейшие корпорации и предприятия фактически создают свои университеты. Это вопрос образовательный, а я немножко напомню об идее наукоёмкого производства, потому что перестройка хозяйства, которая связана с особой ролью наукоёмких отраслей, затрагивает приборостроение, ЭВМ, электротехническую промышленность, атомную энергетику, частично химическую и то, что с этим связано.

Соответственно, уходят определенные области и то, что у нас принято относить к наукоёмким производствам. Традиционно была ситуация с НИОКР, который имеет отношение к стоимости выполненных работ в отношении отрасли продажи, должна быть больше 3,1%. Это усредненные показатели американские были взяты для основы таких критериев, которые были выделены. И соответственно численность работников соответствующего уровня в среде персонала. Очень интересный доклад был у Глазьева на семинаре в связи с нашей стадией развития НИОКР. Понятно, что сейчас она находится ниже уровня возможного развития, который существует. Важно не только констатировать, что она у нас ниже. И этот показатель развития наукоёмких производств. Важно, что можно делать.

В качестве таких предложений прозвучало два таких более или менее предложения, которые связаны с деятельностью общегосударственного управления в данном случае. Речь шла о возможности кредитовать определенные корпорации, если у них заложены в их бизнес-планах проекты НИОКР ниже соответствующего уровня. Ограничивать их кредитование. Это перекликается с идеей Глазьева в отношении того, что выдавать целевые кредиты на какие-то действия. И ряд налоговых действий, которые возможны, в связи с тем, чтобы повысить роль. Вы прекрасно знаете, что наш крупный бизнес тратит деньги, если они не приносят непосредственной прибыли в данный момент, он не заинтересован. Поэтому только серьезные государственные меры.

Проблемы современной оценки наукоёмких производств, это тоже оценка расходов НИОКР во внутреннем валовом продукте. Среди которых вместо других стран и наша. И, соответственно, объем экспорта, те критерии, которые предлагаются для оценки развития наукоёмких отраслей, наукоёмкого производства.

Обращаю внимание на те области, в которых активно может развиваться вот эта научная сторона, которой будут воспринимать, и оценивать емкость научной деятельности. Это то, что связано с крупными производствами, поэтому проблемы управления в первую очередь будут касаться крупных производств, которые образуют совершенно новые структуры конгломератного типа организационные структур, и перед которыми стоят особые проблемы управленческие.

Сами вызовы понятны, которые ожидают крупные производства. Они действительно могут организовать этот процесс наукоёмких производств. Соответственно, те проблемы, которые возникают в отношении управления. Это темпы смены технологических процессов, которые дает очень большую нагрузку именно на управленческий персонал, который должен быть готов к смене технологических процессов. Кроме того, быть достаточно грамотным в отношении самих этих технологических процессов. Хотя у нас сейчас больший упор на кадровые проблемы, мотивационные. Эта сторона немного остается.

(01:20:33)

Конечно, те вызовы, которые связаны с изменением самих предметов труда и средств труда, которые здесь, безусловно, возникают. Это новые организационные структуры, предприятия особенно в рамках большого бизнеса. Это крупные предприятия, как я сказала. Типы конгломератов, которые возникают особым образом. Это не сетевая даже структура, а особая конгломератная структура образования этой деятельности.

Совершенно особая сторона, то, что ложится на управление – это подготовка специалистов, потому что вот эта проблема подготовки специалистов, обучения, ляжет даже не столько на вузы, сколько должна лечь на управленческие структуры этих крупных производств. Дело в том, что такой процесс образовательный, я напому эпизод из истории управленческой мысли: на Тейлора подали в суд профессиональные мастера, специалисты, считая, что он их секреты выводит на общее обозрение, делает общим достоянием, хотя это их багаж, это их основы существования. Фактически этот процесс, что управление знанием существует как экстернализация знания. Здесь я согласна с идеями нашей интеллектуальной собственности. Здесь важен не только этот процесс, у нас есть проблемы оформления интеллектуальной собственности, интеллектуальной деятельности в производстве и так далее. Это процесс вывод тех внутренних, интуитивных знаний на уровень общего достояния. Это задача для управленца совершенно особая.

В качестве последнего примера. Вексельберг, последний пример. Для иллюстрации. Вексельберг закупил, у него небольшое предприятие, связанное с производством солнечных батарей, достаточно старое оборудование. Условно старое, потому что это новая отрасль. Оборудование голландской фирмы, обратился после этого в «Институт полупроводников Иоффе», петербургский, который ему усовершенствовал все процессы, которые там были, потому что сейчас КПД солнечной батареи очень низок. Они довели его до очень приличного уровня, и они фактически выдают прекрасную современную наукоёмкую продукцию. Для чего? С помощью ее оборудованы энергетические источники для удаленных районов, куда провести линии ЛЭП невозможно. Прекрасно, все условия созданы. То, с чем мы бились, возможность электрификации страны, таким образом, решается, хотя до сих пор не решена. Это в качестве одного из примеров.

И еще замечание Ковальчука, директора Курчатовского института, что мы находимся на втором месте по производству пьезокристаллов. У нас мировое производство пьезокристаллов возможно в огромном уровне. Он, кстати, очень оптимистично смотрит на наши технологии.

Андрей Царенко: Спасибо, Наталья Васильевна. Сейчас слово предоставляем председателю центрального совета Всероссийского общества изобретателей и рационализаторов Антону Анатольевичу Ищенко.

(01:24:55)

Алексей Сурин: Давно хочу сказать, коллеги, чем интереснее ваш доклад, тем больше думайте о времени, которое надо оставить для тех, кто еще не успел выступить. Это просьба. Это не к тому, кто будет выступать, а ко всем, кто останется.

Антон Ищенко: Спасибо за предоставленную возможность выступить. Я представлю ВОИР, тот самый легендарный, Всероссийское общество изобретателей и рационализаторов, который был основан в 1932 году. В этом году мы празднуем 85-летний юбилей. На самом деле, массовое движение изобретательства в Советском Союзе и в России намного более дальние имеет исторические корни, потому что одним из первых декретов, Владимир Ленин в 1919 году утвердил положение об изобретателях. Поэтому мы считаем, что сегодня наступил один из исторических моментов, когда мы должны внимательно посмотреть на те исторические завоевания, которые были у движения изобретателей в Советском Союзе.

Я напомним, что если мы берем ситуацию на 1987 год, Советский Союз тогда лидировал по количеству запатентованных изобретений, больше 83 тысяч. Это больше чем США, Великобритания, Германия, даже в несколько раз, если мы берем страны, которые мы сейчас называем страны развитые, лидеры. Я напомним, что у движения изобретателей есть прекрасная теория решения изобретательских задач, которую разработал и внедрил Альтшуллер, педагог, инженер и изобретатель.

На всякий случай хочу сказать, когда мы сравниваем холодильник и телевизор. Изобрел телевизор тоже российский изобретатель. Поэтому тут некорректно говорить, что в России невозможно выпускать телевизоры. Если мы вернемся к теории решения изобретательских задач, я хочу проинформировать, что это сегодня теория внедрена практически во все крупнейшие технологические компании-лидеры, в том числе по радиоэлектронике. Например, компания Samsung отучила по системе ТРИС, разработанной в Советском Союзе, десять тысяч инженеров. На всякий случай, это является корпоративной культурой для Samsung учить и принимать на работу тех инженеров, которые прошли эти курсы. Там целая система подготовки и повышения квалификации, разработанная опять же в 50-е годы. Сейчас мы пытаемся вернуть эту систему обратно, так же как и кружки качества, которые были плодом движения рационализаторов в Советском Союзе. Абсолютно такой

же подход, БРИЗы, которые работали на предприятиях, постановка задач. Учебники, которые предприятия выпускали и которые должны были решать рационализаторы, изобретатели на конкретных предприятиях, получая премии, вознаграждения за свою изобретательскую, рационализаторскую деятельность.

14 млн человек было в Советском Союзе, к сожалению, мы сейчас растеряли это количество, у нас сегодня в наших рядах порядка 100 тысяч членов. Недавно в октябре 2016 года у нас прошел внеочередной съезд. У нас поменялось руководство, поменялся Центральный совет. Мы пришли новой командой для того, чтобы попытаться восстановить работоспособную организацию, надеемся с вашей поддержкой тоже, потому что сегодня чрезвычайно важно соединение на базе ВОИР. Это идеальная платформа, где может соединиться и наука, и образование, и техника, и технологии, и федеральные органы власти.

Мы сегодня говорили про неформальный подход при разработке корпоративных форсайтов. Сегодня у нас созданы 18 отраслевых советов, и мы считаем, что как раз площадка ВОИРа должна стать той самой неформальной площадкой, где мы можем обсуждать инновационное развитие каждой из этих отраслей, поэтому приглашаем присоединиться, войти в советы, мы сегодня в процессе формирования кадрового, как раз всех вот этих направлений, в которых можно будет обсуждать управление наукоёмкими производствами.

То, что касается образования, абсолютно поддерживаю. И считаю, что человеческий капитал сегодня во главе угла. Именно поэтому мы уже прорабатываем с РЭУ имени Плеханова отдельный и, как мне кажется, очень интересный проект. Он называется «Академия ВОИР» совместно с «Институтом социально-экономического проектирования», РЭУ Плеханова. Будет несколько специальностей, который будут называться «Управление инженерными бизнес-проектами», «Система рационализации и изобретательства на предприятии», «Экономическая безопасность инженерных бизнес-проектов». Мы будем продолжать наращивать наше сотрудничество с РЭУ Плеханова, я думаю, что именно на таких площадках можем выработать правильную систему подготовки кадров, потому что сегодня нет соединения, гармонии между различными дисциплинами, которые сегодня должен знать управленец в первую очередь в наукоёмких производствах. Это касается маркетинга, бизнес-планирования, управления интеллектуальной собственностью, это создание службы главных инженеров или главных архитекторов на предприятии. Это касается фондовой составляющей, потому что сегодня есть инженер, но не понимает, как работать с фондовым рынком. Есть финансист, предприниматель, но даже не знает, что есть такое понятие интеллектуальная собственность.

(01:30:36)

Я немножко припоздал, но первый раз понятие интеллектуальная собственность услышал только в последнем выступлении, мне, если честно, немножко, даже грустно от этого становится. Хотя мы находимся на той площадке, которая должна была это и обсуждать. Хочу подчеркнуть, что работа ВОИР сегодня лежит абсолютно в ключе, который дал президент Путин на последнем совете по технологическому развитию, по стратегическому развитию. Повышение производительности труда, эффективность. Мы сегодня про это говорили как раз. Рационализация – это как раз именно то, что от нас требует руководство страны. Можно называть разными словами, повышение эффективности, инновационное развитие или рационализация, но суть остается одна и та же. Поэтому с большой надеждой рассчитываем на поддержку федеральных органов исполнительной власти, рассчитываем на поддержку руководства страны, рассчитываем на поддержку науки. Готовы к открытому сотрудничеству в интересах всего движения изобретательства и вообще в интересах развития страны.

Прошу внести в резолюцию одно маленькое предложение. Поддержать движение изобретательства и рационализаторства Российской Федерации. Как говорила Ирина Николаевна, изобретение одного конкретного автора – это продукт работы всего общества. Спасибо.

Алексей Сурин: Спасибо, я очень рад, что вы пришли к нам, выступили, потому что я к ВОИР отношусь с большим почтением. У меня дядька мой, когда был студентом, был членом Центрального бюро ВОИР, приезжал из Самары. И когда у нас был съезд или пленум, я всегда думал, как хорошо. Один раз меня взял на заседание, я посмотрел. Из сегодняшней вашей речи, она меня на 100% устраивает. Единственно, хочу добавить одну вещь, понимаете. Общество ВОИР развивалось в социальном контексте Советского Союза. Сегодня у нас Советского Союза нет. Вопрос заключается в том, как вы думаете, нужно ли изучить этот социальный контекст, чтобы понять, что эти вещи сохранились, поэтому все работает. Второе, вот эти изменились, поэтому вам нужно меняться. А может изменить что-то в социальном контексте самом, чтобы это все работало. Если эти вещи будут решены, мне кажется, сотрудничество будет полноценным.

Андрей Царенко: Как это вообще может работать в условиях рыночной экономики, когда наша интеллектуальная собственность – это залог и конкурентное преимущество, правильно? Если в Советском Союзе мы могли делиться, все общее, все государственное во благо всех, тот тут мы что-то придумаем, да? И наша задача, если это не изобретение, полезная модель, промышленная модель, который можно защитить патентом, то мы скрываем режим ноу-хау, конфиденциальной информации и так далее. Это препятствие, наверно?

Антон Ищенко: Мы отдаем себе отчет, что такие препятствия есть, что есть такие барьеры. На самом деле, таких барьеров огромное количество, это не только желание

изобретателей скрыть свою интеллектуальную собственность и не рассказать рынку о том, что у них есть такое изобретение. Это, конечно, комплекс проблем. Это и финансовый вопрос, сегодня говорили, что денег в банках полно. Да, денег в банках полно, но до промышленности они не доходят. Если вы спросите у организатора форума сегодняшнего, они вам скажут какое необходимо количество средств для того, чтобы перевооружить все производственные фонды, которые сегодня изношены чуть ли не на 90-95%. У нас фонд развития промышленности – это всего лишь 40 млрд рублей. Это, соответственно, копейки.

Для того чтобы снять эти барьеры мы сегодня разговариваем с Министерством промышленности, мы разговариваем с Фондом развития промышленности, которые являются оператором Государственной информационной системы промышленности. Это как раз возможность донести до наших промышленных предприятий, до руководителей предложения изобретательского сообщества о новых перспективных отечественных товарах.

Мы просим, чтобы нам поручили ведение сегмента на новой государственной информационной системе по новым товарам, которые могут быть восприняты промышленными предприятиями для того, чтобы они стали общедоступными и смогли заинтересовать наше население, а может быть и внешние рынки. Таких решений у нас достаточно много. Мы сейчас готовим целый перечень изобретений с потенциалом хорошей коммерциализации. У нас запущено, мы восстанавливаем премию ВОИР, та, которая была в Советском Союзе. 200 тыс. рублей будет вручено лучшему изобретателю на салоне изобретений «Архимед», который пройдет 16-19 мая в Москве. У кого есть желание поучаствовать и в этом конкурсе премии, пожалуйста, готовы принять ваши заявки.

(01:35:30)

То, что касается социальной нагрузки или изменения социального положения, членов общества, у нас сегодня создан комитет внутри ВОИР, который называется по наградам и социальной поддержке членов ВОИР. Мы сегодня разрабатываем целую систему мер социальной поддержки для наших изобретателей, начиная от подписания соглашений с регионами о том, что изобретатели, которые имеют серьезные заслуги перед регионами, перед государством, получают определенный социальный статус на территории региона. Различные есть варианты, приравнивание к ветеранам труда, например. У нас есть сейчас проект, которые мы отработываем с несколькими торговыми сетями, которые будут предоставлять скидки. И так далее.

Мы хотим сделать членство ВОИР таким же статусным, таким же перспективным, престижным как это было в Советском Союзе. Мы не отказываемся от того, что нужно модернизировать работу, но в тоже время хотим сохранить все то хорошее, что было раньше.

Андрей Царенко: Уважаемые коллеги, есть ли еще желающее выступить с вопросами, комментариями. Алексей Викторович, вам.

Алексей Сурин: Уважаемые друзья, мы практически уложились. Хотя многое хотелось бы сказать. Я буквально одну фразу хочу сказать насчет интеллектуальной собственности, которую не слышали. Это очень хорошая вещь. Если бы я не знал дважды два четыре, за это знание надо платить будет, чтобы я узнал. Или что бином Ньютона, я бы никогда не получил образование Ломоносова. Поэтому это вещь обоюдная, действительно знание интеллектуальное это вещь общественное богатство или индивидуальное. Для меня, например, абсурд. В какой-то степени можно говорить о части знаний интеллектуальных, что это есть изобретение кого-то конкретно. Но если мы уходим от общественного характера этого производства, мне кажется, мы больше потеряем.

Я бы сказал, мы далеко ушли, но шанс есть посмотреть назад. Не обязательно вернувшись, но перейдя на другую тропу.

Женщина: Знание должно быть доступным.

Антон Ищенко: Всероссийское общество, поэтому удастся.

Алексей Сурин: Это очень хорошо. Я хочу сказать. Друзья, мы поработали, кое-какие вещи намечены, но вообще говоря для того чтобы продолжать дискуссию нужны и время, и силы. В университете в майское время проходит международная конференция, которую мы проводим уже двадцатый раз. Мы будем среди организаторов. Поэтому я всех, кто хотел бы продолжить, приглашаю на сайт университетов, где будет написано приглашение для всех и все смогут еще быть.

С другой стороны союз людей пришедших из разных вузов, организация – это то, на чем мы сможем двигаться дальше. Я не совсем понял задачу нашу, в одной фразе должны решить проблемы нашей страны, это очень здорово, тем более просуммировав их. Поэтому, думаю кое-что из этого можно писать, но сильно надеяться, что за одну фразу мы решим все эти вопросы, мне кажется, не очень правильно и хорошо.

Я хотел всех вас поблагодарить за участие, и надеюсь на то, что в следующий раз мы еще раз встретимся. Спасибо.

Андрей Царенко: Спасибо.

[01:39:15] [Конец записи]